

ГОЛУБАЯ КОРОБКА

*Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).*

—
АРИНА ПОНЯТОВСКАЯ
Родилась в 1999 году
в Ростове-на-Дону. Прозаик,
драматург, инженер, младший
научный сотрудник. Выпуск-
ница писательской мастер-
ской Ани Гетьман и школы
писательского мастерства
Band.

Тонкая струйка пота текла по коленке. Она миновала отворот юбки, пересчитала встретившиеся на пути волоски, уже была готова отдаться страстным объятьям серого носка – но встретила только сорокалетнюю руку, хлопнувшую и размазавшую. Как будто ее приняли за комара. Будь у струйки хоть немного достоинства, она бы обиделась. Еще как!

– Следующий.

Гала сидела на стуле и то покачивалась взад-вперед, то метала взгляд из стороны в сторону, то замирала и задерживала дыхание. Ну уж нет, никто не будет считать ее за дуру! Никто не будет шутки шутить! И если кто-то подумает, что она из простых, то мигом раздумает! Потому что почему кто-то решил, что может издеваться? Кто-то решил, что может отравить ее ядом? Кто-то решил, что может взорвать ее дом? Кто-то решил, что может подарить ей жуков? Или, может быть, поздравить ее с днем рождения, который, вообще-то, был аж три месяца назад! Мокрый, помятый, жалкий листочек бумаги с ее фамилией и инициалами выглядел грустнее любой выкопанной картофелины, и Гала мечтала, чтобы вместо августовского полудня на скользком синем кресле Почты России в него была завернута конфета. Гала снова хлопает и размазывает что-то по своим ногам.

– Следующий.

Живая очередь медленно превращалась в мертвую. До окна номер четыре было еще три взрослые головы и два слезящихся детских глаза – то ли от обиды, то ли от плюс тридцати. Гала замыкала цепочку, и от этого было невероятно обидно – ну пусть придет хоть кто-нибудь и встанет следом, чтобы она не чувствовала себя последней неудачницей. Неужели так сложно?

Гала сжала свои губы, свои зубы, свои брови и кулаки. До чего же ей не нравились жалюзи в этой комнате! Будь ее воля – никаких жалюзи бы не существовало, а тех, кто их вешает, самих бы того этого. Ненавидела Гала жалюзи.

А любила – шторы. Зеленые, блестящие, золотые. Да, золотые ее любимые. Она бы купалась в шторах, если бы они были морем. Еще в детстве мама шила лучшие шторы на свете, объясняла Гале расчеты, учила пользоваться машинкой и утюгом, разрешала трогать шторы, кутаться в них и долго-долго стоять. Она же рассказала Гале, как важны шторы, и вообще не просто так, и вообще не только для интерьера. Шторы защищают от негативной энергии и сглаза. Если упала – будут потери. Разорвались – к раздору, а выбрасывать нельзя ни в коем случае. И отдавать нельзя никому, иначе те, кто примет подарок, будут тобой управлять. В общем, мама все Галино

детство делилась с ней мудростью. А Гала очень любила шторы.

– Следующий.

Когда Гала впервые пришла в «Мастер Часочек», ей было страшно. Она, двадцатидвухлетняя, представляла, как ее обступает толпа мужиков, придумает какое-нибудь посвящение, обязательно обсмеет и будет размазывать насмешки по ее лицу до конца дней. Руки дрожали, когда она встала за стол. Руки дрожали, когда она услышала шутку про секс. Когда услышала пятую. Десятую. Шипок. Ладонь на поясице. Замахнулась.

И потом руки уже не дрожали. Однажды она даже, страшно подумать, но как смешно – надуррила клиента! Мужика, возможно, его звали Макс, а возможно, не Макс, который пришел заказывать персональный пошив, но почему-то сразу врезался в глаза и память неприятным бурым пятном. Пошутил – говорит, мол, что это такая нимфа делает в таком месте. А Гала не нимфа!

Сказал, нужны однотонные шторы на четыре комнаты, потолок три двести, карниз четыре, цвет умбра. Гала скорчилась в дружелюбии. Гала рассчитала и пошла резать.

И Гала... Гала рубанула ткани на 5 сантиметров меньше и еще и умбру жженую взяла. Пусть теперь в ужасном доме живет. С Леной из освещения ржали весь вечер потом! Господи, как хорошо, что шеф не узнал.

– Следующий.

А по ногам снова текла струйка. Хоть бы не месячные. За Галой наконец-то появился замыкающий – и она была счастлива. Но воздух... С каждым новым «дзынь» дверного колокольчика Гала начинала все больше ценить то, чего в избытке на улице, весной, зимой и осенью. Дзынь!

Вертолетное вжжжжжжжж – бам!

В Галу врезается непонятное, маленькое, серое Что-то. Она барахтается руками в воздухе, старается отогнать от себя чудовище, защитить честь, достоинство и жизнь, ничего не происходит, что-то все еще на ее одежде, оно сидит, оно двигается, Гала дергает ногами, извивается, хочет снять майку, толкает одним локтем, другим, мычит, кричит, умоляет, визжит, задевает ногой свой пакет. Хлопает! И чувствует – воняет.

А еще видит, как по полу разметались яблоки, конфеты, пачка макарон-«бантиков» и упаковка сосисок. И пакеты. Гала бросилась на колени, собирая все вместе в большой зеленый из «Пятерочки», аккуратно пересложила в четыре раза два запасных пакета, прогладив по краям. На всякий случай.

Господи, как же воняют клопы-черепашки и как их ненавидит Гала – еще, наверное, больше, чем жалюзи. Была бы она в Гарри Поттере, клоп-черепашка стал бы ее боггартом. Вот бы это кто-нибудь понял.

Семен понимал.

– Следующий.

Август 86-го был особенным.

Гала тогда была студенткой техникума легкой промышленности, училась средне и не старалась поймать ни одной звезды. Их с одноклассницами отправили на практику в соседнее поселение – убирать свеклу и проводить дни в поле и жаре. Они вставали в 4:30, умывались, ели пресную пшенку и работали до полудня, проходя ряд за рядом, ряд за рядом, ряд за рядом. Отдыхали час – и снова ряд, ряд, ряд. Гале, можно сказать, нравилось – но она очень завидовала закройщицам постарше, которых отправили на абрикосы.

Перед их полем и справа была трасса, сзади – лесополоса, а слева – бесконечность из сотни гектаров пшеницы. На ней постоянно гудели тракторы и комбайны, ругались мужики, жатки с плугами ревели и плакали. Они трудились по тому же графику, что и Гала, но она всегда думала, что получается у них больше и сильнее.

Однажды, даты Гала не запомнила, она подошла к лесополосе, чтобы просто по-человечески обнять дерево и постоять в тени в свой перерыв. Ее покой быстро разбился о рыжую голову, выглянувшую из-за кустов.

– О, хэ, привет!

– Привет.

– Не знал, что тут кто-то еще ходит! – Веснушки щек расползаются, как плюс и плюс магнитиков.

– Я люблю здесь быть в перерыв. Я вообще-то Гала.

– А я Семен.

И, как в любимых Галиных романах, – закрутилось.

Они были везде и нигде, пусть и почти постоянно порознь, но всегда-всегда вместе. Гала носила ему половину своего обеда, а он показывал, как продуть комбайн, чтобы сухая пшеница не подпалилась от жара, она бегала к нему по сырой земле без обуви, а он всегда забывал помыть руки перед сильными-сильными объятиями. Они целовались, скрываясь за стволами лиственниц, вращали своим, смеялись шепотом и старались много не улыбаться при всех. Много молчали и много смотрели в глаза. В один из дней Семен представил

Последним снимком этой поездки стала Гала. И стал Семен. И почему-то стало так важно, так важно, чтобы этот снимок был именно у него, чтобы он никогда не забыл, чтобы он всегда помнил. А она не забудет точно, ведь это был самый особенный август.

ее механизаторам, и старший разрешил им вместе прокатиться на тракторе! Гале не понравилось пекло, сидеть в металлической кабине на половинке сиденья тоже. Но рядом был Семен.

В предпоследний день практики Гала узнала, что у ее соседки был с собой фотоаппарат – крутейший «Зенит-11». Упросила. Уболтала. Последним снимком этой поездки стала Гала. И стал Семен. И почему-то стало так важно, так важно, чтобы этот снимок был именно у него, чтобы он никогда не забыл, чтобы он всегда помнил. А она не забудет точно, ведь это был самый особенный август.

Но адрес Гала Семену не дала. Вопросы о мужчинах всегда воспринимались ее матерью с особой строгостью – Гала боялась гнева и отречения. Она предложила сама отправить фото после проявки.

Так у нее остался адрес его московской квартиры, а у него – совместная фотография, единственное напоминание о совместном прошлом. На фотографию он не ответил. А бумажка, так по-дурачки оставленная в кармане шорт, растеклась и разлезлась всего после одной стирки.

– Следующий.

Галу пихнули в спину. Ой. Она подошла. Протянула бумажку, безуспешно пытаясь ее разровнять.

– Ваш паспорт.

– Мой?

– Ваш.

– Что?

– Паспорт.

– А.

Гала ищет паспорт в дырке подкладки – и в конце концов достает. Протягивает.

Работница почты с «эхххх...» и глазами, разочарованными от предстоящего движения, поднимается и идет в тайную комнату. Гала щурится и жалеет, что не может видеть сквозь темноту. Теревит желтым, покоцанным ногтем – в цвет сумки, сама подбирала! – наклейку «соблюдайте дистанцию 1,5 метра», справа бабушка забирает пенсию, слева вторая оплачивает «за газ», глаза ребенка все еще слезятся, завтра на работу хочется и не хочется одновременно. О, телефон! Гала щупает карманы – взяла. Просто в «Пятерочке» могла оставить на кассе. Но все хорошо. Где женщина?

– Вот. Заполните обратную сторону извещения и отдайте мне. Сл...

– Знаете, а ведь я не знаю!

– Что?

– Не знаю, от кого посылка! Ужас, правда? – прикрывает рукой рот и смеется.

– Да уж, ужас.

– И совсем не понимаю, что внутри!

– Еще хуже.

– Ну ладно, я домой!

– Девушка, ваша посылка.

– А.

– Следующий.

Гала звенит дверным колокольчиком и после первого уличного вдоха начинает снова любить жизнь. Она чувствует, как от предвкушения все чешется. Хочется раздеться, разуться и побежать – запрыгнуть в автобус, запрыгнуть в квартиру, закрыться на два замка и «ночник», сесть в гостиную, возможно даже, зажечь свечу. И открыть.

Проходит квартал, второй, третий. Поворачивает направо. Находит свое место на оранжевой остановке. Стукает носком кроссовки: раз, раз-два-три, раз, раз-два-три.

– Гала!

Лена.

– Гала, ты домой? Я сегодня на смене была, ой, хорошо, что встретила тебя, вместе поедem. Сегодня, прикинь...

– Я не домой.

Гала злится, она не хочет сегодня общаться с Леной. Лена всегда была болтуньей, всегда хотела говорить, всегда. Понятно, почему она

продает лампочки – так много трюндит, как будто у нее лампочка во рту застряла. Гала решает идти пешком.

Гала срывается на бег, подражая зеленому моргающему человечку под маленьким черным козырьком. Гала разгоняется, как собака динго за диким кроликом. Как умный крокодил, который научился перелезать через ограды и теперь всех съест. Гала несется – и несет с собой то, что теперь кажется ей сокровищем в голубой коробке.

Прыжками на четвертый без лифта, ключ капризничает и долго не вставляется в скважину, поворот один, два, три, блин, второй ключ, поворот один, два, три, ручка вниз, дверь на себя, хлоп!

Боже, как изумрудный вписывается в ее спальню. Гала задерживает полный рот воздуха. Ну до чего!

Черт, задумалась – бряцает на кровать посылку, садится рядом. Уже вечер, но так светло, что можно обойтись без свечи. Гала рвет светло-синюю упаковку с адресом, открывает крышку и сверху видит пожелтевшую фотокарточку со следом от кофейной капли. Возможно, свежей. На ней на краю поля стоит она – в майке, высоких шортах и соломенной шляпе, щурится, улыбается. А рядом – парень, настолько рыжий, что видно аж сквозь черно-белую пленку. Гала снова задерживает дыхание.

Переворачивает фото и видит неровные черные буквы, местами слишком вдавленные, а местами – слишком поверхностные.

Привет, Гала!

Я Семен, хотя ты, наверное, помнишь. Или нет. Еле узнал твой адрес, случайно, и, знаешь, заплакал. Никак не могу выкинуть из себя этот август 86-го. И тебя, Гал. В город твой переезжаю скоро. Фигурку клопа сам вырезал, помню, что ты про них говорила, а что говорила, не помню, 25 лет уж прошло. Это тебе фигурка. Букет из пшеницы сухой тоже тебе, обычный бы не доехал. Пойдем на танцы?

Гала раскидывает руки и падает на кровать.

